

Rudenko, Jelena

Категориальная семантика славянского глагола

Opera Slavica. 2004, vol. 14, iss. 4, pp. 1-8

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117835>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

Елена Руденко (Минск)

В современной лингвистике принята следующая типология семантики в зависимости от широты охвата фактов языка: грамматическая – словообразовательная – категориально-семантическая – лексико-семантическая. Как соотносится семантическая деривация – развитие нового значения без изменения формы – с разными видами семантики? Каковы особенности этого соотношения применительно к глагольной лексике синтетических языков?

Общеизвестно, что изменение словоизменительного грамматического значения без изменения формы слова возможно только в языках без морфологии – аморфных языках типа китайского (термин «семантическая деривация» к такого рода изменениям значения, как правило, не применяется). То же касается и классификационного грамматического значения: в языках, где есть морфология, его изменение связано с изменением грамматической формы. Конверсия в синтетических языках, например славянских, сопровождается формальными изменениями (рус. *золото* – *золотой*), в аналитических языках со слабой морфологией проявляется в словоизменительной парадигме (например, англ. *a round table* – *a big round*; *one round* – *two rounds*). Только в языках, где передача грамматического значения не связана с изменением формы слова, а осуществляется аналитическими способами, конверсия имеет тот же вид, что и развитие нового лексического значения – семантическая деривация, – и реализуется через новую сочетаемость и порядок слов.

Областью сопряжения лексико-семантических и грамматических изменений являются лексико-грамматические (классификационные) и словообразовательные категории. На шкале типологии семантики эти категории занимают отрезок от категориально-семантических до классификационно-грамматических. Применительно к славянскому глаголу речь идет о таких характеристиках, как вид, семантический тип предиката (Т-категория), способ глагольного действия, переходность, валентность, залоговое значение. Названные характеристики связаны с квалификацией глагола по двум параметрам: темпорально-аспектуальному и синтаксическому – именно они лежат в основе наиболее распространенных способов классификации глаголов.

Славянский вид относят к классификационным грамматическим категориям и часто называют категорией лексико-грамматической по следующим причинам: во-первых, изменение вида, как правило, влечет за собой изменение лексического значения, а во-вторых, отсутствуют однозначно-регулярные средства выражения видовой семантики при том, что она всегда выражена формально: префиксацией, суффиксацией и под.

Типы значений, передаваемые видо-временными формами глагола, не получили в литературе единого терминологического оформления: они называются и Т-категориями, и семантическими типами предикатов, и способами глагольного действия.

Термин «способ глагольного действия» (*Aktionsart*) используется в двух смыслах: широком и узком. В узком смысле это разнообразные особенности процессов по отношению к их временной протяженности и результативности, качественное своеобразие их протекания или завершения. Отличия разновидностей глаголов по способам глагольного действия связываются главным образом с их префиксами и некоторыми специальными суффиксами. В этом, узком, смысле способ глагольного действия есть словообразовательная категория, менее объемная и обязательная, чем грамматическая, но достаточно регулярная.

Способ глагольного действия в широком смысле – это разные семантические признаки, которые характеризуют способ существования ситуации во времени, независимо от их формальной выраженности. Эти типы значений видо-временных форм глагола, или Т-категории, или семантические типы предикатов, как бы они ни назывались, есть следующая, меньшая, ступень обобщения после грамматических и словообразовательных категорий. Они вычлняются и верифицируются синтаксически: через сочетаемость и диагностические контексты; на существование в языке любого типа таких скрытых категорий указывал еще Б. Уорф [Уорф 1972: 45-50].

Традиционно выделяются следующие Т-категории, или устойчивые семантические типы, передаваемые видо-временными формами глаголов: 1) постоянные свойства; 2) устойчивые и временные состояния; 3) процессы, которые иногда дробятся на инактивные процессы, деятельности и действия, и 4) события [Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк, Шмелев 1997; Маслов 1984; Чейф 1975; Щерба 1974; Vendler 1967]. Помимо этого могут выделяться занятия и поведения [Падучева 1996].

Синтаксические характеристики глагола – это 1) актантный тип, или актантная структура – набор его глубинных падежей; 2) семантическая, 3) лексическая и 4) синтаксическая сочетаемость, или валентность. Актантный тип глагола неразрывно связан с его семантикой, и изменение актантного типа обязательно влечет за собой изменение лексического значения [Холодович 1960: 37; Языкознание 1998: 22]. Под синтаксической сочетаемостью понимается число позиций управления глагола, их обязательный или факультативный характер; под семантической – широкие классы значений управляемых лексем: одушевленность, конкретность, вещественность и под.; под лексической – более мелкие лексические группы, определённые лексемы и их синонимические ряды.

Из названных типов сочетаемости чаще всего приоритетными характеристиками глагола считаются его синтаксические сочетаемости, т.е. модели управления. Однако семантическая валентность глагола первична по отношению к его синтаксической валентности, об этом свидетельствует сопоставление разных славянских языков. Изменение валентности глагола – его синтаксической характеристики – не всегда связано с изменением лексического значения (см. синони-

мичность русских конструкций *бросить камень* и *бросить камнем* и под.), а только тогда, когда оно мотивировано глубинной семантикой, связано с изменением глубинных семантических падежей, а не является чисто поверхностной характеристикой. Именно этим обусловлено то, что бел. *мысліць аб кім-небудзь*/ *мысліць пра каго-небудзь* не связано с изменением лексического значения глагола, а *мысліць аб кім-небудзь* 'думать'/ *мысліць на каго-небудзь* 'злоумышлять' – связано.

Известны примеры, когда семантическое глагольное окружение языка А не идентично глагольному окружению в языке В. Тогда одинаковые ситуации описываются в языке В с помощью одного глагола, а в языке А – с помощью нескольких. Модели управления этих различных лексем могут быть при этом идентичными. Например, в значении 'о некоторых механизмах, машинах: издавать монотонный, гудящий звук' в белорусском и русском языках невозможно употребление глаголов *бурчаць* и *бурчать* соответственно. В данном значении в этих языках используются глаголы *гудзець* и *гудеть*.

Разные значения глагола фиксируются в тех случаях, когда: 1) обязательные синтаксические валентности одинаковы, но обязательные семантические валентности разные. Например, рус. *убивать* в значении 'становиться причиной смерти' и 'уничтожать, подавлять, истреблять' управляет одинаковыми предложными формами, но семантические актантные характеристики глагола различны в двух этих значениях; 2) обязательные синтаксические валентности одинаковы, но обязательные лексические валентности разные. Так, польск. *malować* и в значении 'изображать, воспроизводить предметы на плоскости', и в значении 'покрывать краской' имеет поверхностную репрезентацию *кто maluje co*. Дифференциация значений возможна благодаря тому, что в качестве субъекта выступают разные лексемы (*Artysta maluje portret*. – *Chłopiec maluje samochoody*). Факультативные валентности при этом тоже различны (*malować ścianę na biało – malować kwiaty ołówkiem*); 3) обязательные синтаксические и семантические валентности разные. Например, и в значении 'давить, мять ногами', и в значении 'ходить по каким-л. местам долго, часто' польский глагол *deptać* требует указания на субъект и объект действия, но его семантическая сочетаемость и модели управления при этом различны: *Depczesz mi po nogach*. – *Deptaliśmy z przyjaciółmi szlaki turystyczne*.

Безусловно, выше перечислены далеко не все основания выделения разных значений глагола, связанные с изменением того или иного типа сочетаемости. Например, по-разному проявляют себя разные лексические и семантические сочетаемости; при выделении отдельных значений глагола-полисеманта необходимо учитывать не только обязательные, но и факультативные валентности, а также наличие устойчивых моделей управления у глаголов со сходным значением, обусловленных только поверхностно-формальными причинами; различие валентности глаголов-соответствий в разных языках в этих случаях не обусловлено семантически. Приведем примеры таких моделей.

В чешском языке регулярно употребляется управление аккузативом с предлогом *o* (модель, не используемая белорусским или русским языками) при

глаголах с семантикой: 1) 'заботиться' – *dbát, pečovat, starat se*; 2) 'бояться, остерегаться' – *bát se* 'бояться' *obávat se* 'опасаться'; 3) 'стремиться, хотеть получить что-л.' – *bojovat* 'бороться', *pokoušet se* 'пытаться', *prosit* 'просить', *usilovat* 'стремиться', *zajímat se* 'интересоваться', *zápasit* 'бороться', *zasloužit se* 'заслужить', *žádat* 'просить', *soutěžít* 'соревноваться', *soupeřit* 'состязаться', *snažit se* 'пытаться'. Ряд различий в глагольном управлении между чешским и белорусским и русским языками связан именно с наличием такой модели в чешском языке. Можно привести немало чешских глаголов с аналогичным управлением, менее консолидированных семантически: *soudit se* 'судиться', *přípravovat* 'лишать', *dělit se* 'делить', *okrádat* 'красть', *opírat se* 'опираться', *přicházet* 'лишаться', *zkracovat* 'сокращать', *rozšiřovat* 'расширять'.

Та же модель управления есть и в польском языке; среди глаголов с таким управлением можно выделить следующие семантические группировки: 1) 'заботиться' – *dbać, troszczyć się, ubiegać się, martwić się* 'беспокоиться'; 2) 'бояться за кого, что' – *bać się o kogo, co; lekać się o kogo, co*; 3) 'стремиться, хотеть получить что-л.' – *blagać* 'просить', *dobijać się* 'добиваться', *pokusić się* 'отважиться', *postarać się* 'постараться', *walczyć* 'бороться', *wystąpić o co* 'выступить за что', *żebrać* 'просить'; 4) 'ссориться' – *wadzić się, kłócić się; spierać się* 'спорить', ср. чеш. *hádat se* 'ссориться', *přít se* 'спорить'.

В чешском языке глаголы с семантикой ментальных действий и состояний чаще употребляются с аккузативом без предлога или с предлогом *na*, в отличие от белорусского и русского языков, где в этих случаях используются другие виды управления, чаще делиберативное управление локативом в русском языке и аккузативом с предлогом *пра* в белорусском языке. Беспредложный аккузатив в чешском языке употребительнее при глаголах с обобщенным значением: 1) 'владеть, управлять' – *vlastnit, ovládat* 'владеть', *řídít* 'управлять', *spravovat* 'управлять, заведовать', *dirigovat* 'дирижировать'; 2) 'воздействовать, влиять' – *ovlivňovat* 'влиять', *napadat* 'нападать', *otravovat* 'надоедать', *zdravit* 'здороваться', *vučítat* 'упрекать'; 3) 'следовать, подражать' – *pozorovat* 'наблюдать', *sledovat* 'следить', *napodobovat* 'подражать', *obdivovat* 'восхищаться', *závidět* 'завидовать'.

Аккузатив с предлогом *na* в чешском языке часто связан с обозначением 1) мыслительной деятельности: *myslit* 'думать', *řamatovat* 'помнить', *potuýšlet* 'подумывать', *přicházet* 'соображать', *zapomínat* 'забывать', *vzpomínat* 'вспоминать', *soustředovat se* 'сосредоточиваться'; 2) эмоционального состояния: *nadávat* 'ругать', *žárlit* 'ревновать', *usmívat se* 'улыбаться', *smát se* 'смеяться'; 3) общей направленности на установление контакта: *volat* 'звать', *obracet se* 'обращаться', *upozorňovat* 'обращать внимание', *mávat* 'махать', *mrkat* 'подмигивать', *ptát se, tázat se* 'спрашивать'; 4) некоторых конкретных действий: *mířit* 'целииться', *střílet* 'стрелять', *sahat* 'дотрагиваться', *útočit* 'атаковать', *klepat, bušit* 'стучать'.

Примеры, аналогичные приведенным выше, есть и в польском языке (*czekać na kogo, co* 'ждать', *podziwiać kogo, co* 'удивляться', 'восхищаться', 'очаровываться', *zarguszać co* 'упрекать в чем', *zemiżyć na co* 'умереть от чего'), однако они менее многочисленны.

В польском языке, в свою очередь, присутствуют модели и закономерности, не столь характерные для чешского языка (при сравнении с белорусским и русским). В польском языке гораздо более частым, чем в белорусском или русском, является управление (предложное или беспредложное) генетивом: *chwycić się* 'схватиться', *mieszać się do* 'вмешиваться', *nadgryźć* 'надкусить', *nadużywać* 'злоупотреблять', *śłuchać* 'слушать' и др. Генетива с предлогом *do* или без предлога требуют очень многие глаголы с приставкой *do-*, соответствия которых в белорусском и русском языках имеют иное управление: *doglądać*, *dopaść*, *dopilnowywać* 'присматривать', *dopełnić* 'выполнить', *dowiedzieć się* 'узнать', *dowodzić* 'доказывать', *doznać* 'испытать' и др. В чешском языке также с родительным падежом употребляются глаголы с приставкой *do-* (как правило, возвратные) с общей семантикой 'достижения, совершения чего-л.': *dopouštět se* 'допускать', *dotýkat se* 'дотрагиваться', *dožívat se* 'доживать', *dopátrat se* 'докопаться', *dovolat se* 'дозваться'. Беспредложный генетив часто встречается и у глаголов с семантикой 'удаления, лишения': *vzdávat se* 'отказываться', *pouštět se* 'отпускать', *zříkat se* 'отрекаться', *zbavovat se* 'избавляться', *zdržovat se* 'воздерживаться'. При управлении генетивом в польском и в белорусском или русском языках может не совпадать наличие/отсутствие предлога *do/ da/ do*: *dociec czego* 'додумать до чего', *dopuszczyć do czego* '(не) допустить чего', *dosłużyć się czego* 'дослужиться до чего' и др.

В польском и чешском языках есть устойчивые модели управления, коррелирующие с семантикой глаголов. Лексемы со значением 'бросать', как правило, управляют творительным падежом: польск. *ciskać*, *miotać*, *rzucać*, чеш. *házet*, *vrhat*, *mrštit*, *praštit*. Аналогичное употребление возможно в белорусском и русском языках (бел. *кінуць камнем*), однако оно гораздо менее употребительно, чем прямое управление аккузативом.

Равным образом в белорусском и русском языках возможны конструкции типа бел. *хістаць галінамі*, рус. *качать ветвями*, однако в западнославянских языках управление творительным падежом при глаголах с такой семантикой гораздо более регулярно, см. польск. *chwiać*, *kołysać*, чеш. *pohybovat*, *házet*, *kymáčet*, ср. также управление творительным падежом у чешских глаголов со значением 'вертеть, крутить' – *otáčet*, *točit*, *kroutit*.

Переходность/непереходность (транзитивность/нетранзитивность), связанную с актантным типом, относят к классификационным грамматическим категориям с определенными оговорками. Она не имеет типичного для славянских языков внутрисловного выражения, а выражается через тип управления глагола; формально маркируются только переходные глаголы – посредством возможности залоговых трансформаций. Залог может пониматься как словоизменительная категория переходных глаголов (активный/пассивный = действительный/страдательный) и как категориально-семантическая (актив, пассив, медиум, рефлексив, реципрок, кооператив, каузатив и др.) [Языкознание 1998: 160–161, 370–371]. Поскольку залоговая семантика в славянских языках непоследовательно координирует с ее формальным выражением (например, в русском языке постфикс *-ся (-сь)* далеко не всегда обозначает собственно пассив), то она, как

и Т-категория, верифицируется синтаксически: посредством сочетаемости и диагностических контекстов.

Принято считать, что изменение собственно грамматической семантики в славянских языках никак не соотносится с семантической деривацией – развитием нового значения, не сопровождающимся формальными изменениями: в силу синтетического строя славянских языков такое значение может быть только лексическим. Однако семантическая деривация и изменение грамматического значения в славянских языках имеют точки пересечения. Эти области диффузии лексической и грамматической семантики приходятся на зоны распространения категорий, не имеющих обязательного и регулярного формального выражения и/или не полностью охватывающих соответствующий класс лексики. Характерно, что случаи изменения классификационного грамматического, словообразовательного или категориально-семантического значения посредством семантической деривации классифицируются словарями как лексическая омонимия или полисемия. Например, рус. *наносить* (сов.) 'принести в большом количестве' (*наносить груды камней*) и *наносить* (несов.) 'приносить в несколько приемов в каком-л. количестве' (*Бывает, что студенты наносят на экзамен шпаргалки и списывают направо*) рассматривается как омонимия, хотя по сути это семантическая деривация относительно лексико-грамматической категории вида с последующим формальным расподоблением видовых пар *нанашивать* – *наносить*, *наносить* – *нанести*.

Различия в грамматической семантике залога, верифицируемые синтаксически, т.е. не имеющие формальных различий, обычно подаются как отдельные значения полисеманта, например, бел. *мыцца* 1. 'умываться' (*Вася мыецца з мылам*) и 2. страд. к *мыць* (*Вокны мыюцца кожны месяц*). Представлены в словарях как полисеманты или не представлены вообще и разные семантико-категориальные залоговые значения возвратных форм глагола, например бел. *Марскія скаты б'юцца токам* (бессубъектно-возвратный залог); *Арміі біліся да поўнага знішчэння* (взаимно-возвратный залог – реципрок); *Сэрца б'ецца няроўна* (общевозвратный залог). Несоответствие формального способа выражения категории залога (постфикса –ся) и семантики залоговых форм приводит к асемантическим колебаниям в употреблении этой частицы на разных этапах развития славянских языков, см. ст.-бел.: *zostal panem*; *zostal sia panem*; ср. с совр. бел. *застаўца*; совр. бел. *дачакаўца* = *дачакаць*.

Равным образом как отдельные значения полисеманта подаются различия в актантном типе глагола, например, такая его классификационно-грамматическая характеристика, как *переходность/ непереходность/ косвенная переходность*: рус. *пить* 1. (неперех.) 'злоупотреблять спиртными напитками'; 2. (перех.) 'глотать жидкость'. При этом в ряде случаев такие отличия просто не фиксируются словарями: рус. *Иванов пишет* (= *Иванов писатель*) (неперех.) – *Иванов пишет письмо*. В данном случае отличие в глагольном управлении коррелирует с отличием в способе глагольного действия: первый пример передает категориальную семантику занятия, а второй – действия. Вообще достаточно сложно найти „чистые“ примеры изменения только одной лексико-грамматической,

словообразовательной или категориально-семантической характеристики, как правило, имеет место изменение нескольких параметров. Обязательно участвуют при этом синтаксические характеристики, поскольку каждое такое изменение проявляется и верифицируется контекстуально и дистрибутивно.

Таким образом, отличия в темпорально-аспектуальных категориально-семантических и словообразовательных глагольных значениях – Т-категориях и способах глагольного действия – также рассматриваются в словарях как отдельные значения многозначного слова или не отмечаются вовсе.

Из сказанного выше следует, что семантическая деривация в славянских языках встречается не только при изменении лексико-семантических значений, но и категориально-семантических, словообразовательных, грамматических – в тех случаях, когда они не имеют обязательного и регулярного выражения и дифференцируются синтаксически.

Тем не менее, как правило, изменение грамматической семантики в славянских языках не соотносится с семантической деривацией – развитием нового значения, не сопровождающимся формальными изменениями. В силу синтетического строя славянских языков такое значение является лексическим и зачастую классифицируется как таковое, даже не будучи «чисто лексическим» по своей семантической сути. У лексического и грамматического значения разные принципы структурирования лексикона, причем это не связано со степенью абстракции: концептуальная метафора, например пространственная, не менее объемна по охвату лексики, чем, скажем, степень сравнения прилагательных. Просто лексико-семантические и грамматические преобразования протекают по разным магистральным направлениям.

Говоря об устойчивых моделях метафоризации (= типах семантических переносов), следует отметить, что есть фреймы, метафоризируемые как предметные сферы, а есть – как процесс, отношение, свойство. Эта характеристика всегда одинакова у фрейма-основания и фрейма-цели. Например, мысли, идеи, образы концептуализируются как предметы, и обращаемся мы с ними как с предметами, в то время как основу концептосферы «когнитивная деятельность» составляет функция, состояние, свойство – такие сферы метафоризируются при их генерации на основе несубстанциональных концептосфер, которые условно в общем можно обозначить как «(воз)действие», «взаимодействие», «состояние и его изменение», «отношение». Таким образом, лексико-семантические изменения, базирующиеся на устойчивых моделях метафоризации, в славянских языках протекают в рамках одной классификационно-грамматической категории.

То же касается категориально-семантической или словообразовательной семантики и ее соотношения с системными лексико-семантическими изменениями. Например, семантические переносы в глагольной лексике осуществляются в рамках одной темпоральной категории: событие метафоризируется как событие, процесс – как процесс и под. Рус. *понимать* может означать состояние, возникающее после одномоментного действия *понять*, а *схватывать*, *улавливать*, *усваивать* и пр. не могут иметь такого значения. Различие связано с пря-

мыми значениями названных глаголов. Как поздние синонимы глагола *понимать*, *схватывать*, *улавливать*, *усваивать* развили интеллектуальное значение по аналогии на базе общей для процессов схватывания и понимания семы приятия. Но в прямом значении этим глаголам никогда не была характерна семантика состояния, в отличие от *понимать*, который, хоть и мотивирован тем же способом, но восходит к праслав. **jěti* > *имати*, *имети* [Фасмер 1986–1987: III, 326; IV, 569–570; I, 19], т. е. мог обозначать и состояние. Поэтому возможны контексты *он понимает это как...* 'считает, полагает' и невозможны *схватывает это как...*. Каузативность/ некаузативность семантики-основания также сохраняется, например, распространены семантические переносы 'увидеть' → 'понять', 'сделать видным' → 'объяснить'.

В целом же, аспектуально-темпоральные и субъектно-объектные отношения в семантике многозначных слов на широком славянском материале – это предмет отдельного и очень перспективного лексико-грамматического исследования, которое вскроет многие интересные закономерности и модели семантического развития. Исследование глаголов-полисемантов в таком ключе, понимание языковой семантики как континуума и внимание к переходным лексико-грамматическим явлениям позволяет не только выявить конкретные случаи сохранения/ несохранения глаголом в переносном значении грамматических характеристик прямого, но и условия и закономерности изменения грамматических характеристик глагола вследствие развития новой семантики и наоборот.

Литература:

- VENDLER Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, 1967.
- БУЛЫГИНА Т. В., ШМЕЛЕВ А. Д.: *Языковая концептуализация мира*. Москва, 1997.
- ЗАЛИЗНЯК А. А., ШМЕЛЕВ А. Д.: *Лекции по русской аспектологии*. Мюнхен, 1997.
- МАСЛОВ Ю.С. *Очерки по аспектологии*. Ленинград, 1984.
- ПАДУЧЕВА Е. В.: *Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива*. Москва, 1996.
- УОРФ Б. Л.: *Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва, 1972. С. 44–60.
- ФАСМЕР М.: *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва, 1986–1987.
- ХОЛОДОВИЧ А. А.: *Опыт теории подклассов слов // Вопр. языкознания*, 1960. №1. С. 32–43.
- ЧЕЙФ У. Л.: *Значение и структура языка*. Москва, 1975. 431 с.
- ЩЕРБА Л. В.: *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград, 1974.
- Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. Москва, 1998.